

Свой путь

Последние месяцы в деловом календаре Большой Евразии ознаменовались целым рядом событий и мероприятий, продемонстрировавших резкую актуализацию и востребованность повестки дальнейшего интеграционного строительства в рамках Евразийского экономического союза. В конце мая в Бишкеке на полях Высшего евразийского экономического совета Республика Кыргызстан впервые в очном формате приняла Евразийский экономический форум, на котором, помимо скрупулезных дискуссий о макроэкономических параметрах стратегического развития Союза до 2025 г. и путях совместного реагирования государств на вызовы текущего момента, состоялось обсуждение культурно-гуманитарной и идеологической составляющих интеграции, той самой современной евразийской идеи, которая скрепляет единое экономическое пространство. В числе прочего руководителям научно-образовательных учреждений государств — членов Союза удалось выработать согласованные подходы по формированию Евразийского сетевого университета в формате консорциума без образования юридического лица заинтересованных вузов, научных институтов и промышленных объединений.

Несколькими неделями позже ЕАЭС и его перспективы в условиях обострившихся геэкономических противоречий, порожденных синхронной сменой технологических и мирохозяйственных укладов, стали предметом рассмотрения на многочисленных тематических сессиях Петербургского международного экономического форума, в том числе в контексте расширения торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества с Африкой, Латинской Америкой и АСЕАН. При этом неизменно подчеркивалось, что качество международной деятельности напрямую связано с развитием интеграции внутри ЕАЭС и темпами достижения целей и задач, определенных Договором о ЕАЭС и Стратегией ЕАЭС до 2025 г. Так, анализ макроэкономической динамики, отраслевых направлений функционирования ЕАЭС позволил критически оценить уровень и качество интеграционного взаимодействия государств Союза. На данном этапе нам не следует уповать на возобновление полноформатного диалога с коллективным Западом, которого, как подчеркнул Президент России В. В. Путин на форуме в Петербурге, в обозримой перспективе ожидать не следует.

Стратегические направления до 2025 г., будучи универсальным и всеобъемлющим с точки зрения охвата документом стратегического планирования, в той мере, в которой сторонам удалось согласовать формулировки его мероприятий, позволяет в полной мере востребовать незадействованные резервы и источники роста, обеспечив выход интеграции на целевой — «Собственный центр силы» — сценарий экономического развития с достижимыми темпами ежегодного прироста ВВП Союза на 4,5–5,5%. Такая цель предусмотрена Основными ориентирами макроэкономической политики ЕАЭС до 2023 г., утвержденными главами государств Союза 27 мая с. г. Причем цель — абсолютно достижимая, предполагающая устранение сдерживающих интеграционные эффекты пробелов, к коим я отношу:

- недостаток интеграционных связей в реальном секторе, реализацию кооперационного потенциала государств-членов не в полном объеме, инертное развитие высокотехнологического сектора экономики (биотехнологии, аддитивные технологии, искусственный интеллект и т. д.) и, как следствие, недостаток кооперационных проектов и программ должного качества, способных стать «двигателями» интеграции;
- отсутствие отработанной и адекватной стоящим масштабным задачам инвестиционно-финансовой системы поддержки кооперационных проектов в Союзе;

- недооценку и минимальный охват стратегически значимых направлений интеграции (социальное, научно-технологическое, гуманитарное сотрудничество), что не позволяет гражданам государств ощутить положительные изменения, связанные с функционированием Союза.

Стратегия содержит 17 мероприятий, которые касаются ряда ключевых приоритетов, в т. ч. создание гибких механизмов целевого содействия экономическому развитию Союза, разработка и реализация совместных целевых проектов. Проблема ограниченности источников финансирования инфраструктурных проектов, высокотехнологичных производств и комплексов проявляется не только в отсутствии общего согласия на создание нового института развития, но и в масштабах финансовых операций ЕАБР и ЕФСР, имеющих в своем распоряжении меньше средств, нежели Всемирный банк, Азиатский банк развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, которые также реализуют свои проекты на территории государств ЕАЭС. Одним из вариантов в этом контексте является докапитализация евразийских институтов развития, в том числе в национальных валютах государств-членов, что создаст условия для расширения использования национальных валют во взаимных расчетах. Ведется разработка успешных национальных практик содействия производственной кооперации, наработанных Агентством стратегических инициатив. Полагаю, что в контексте определения источников финансирования союзного развития нам предстоит поставить вопрос о переходе (по аналогии с ЕС) от сметного финансирования к бюджету ЕАЭС, который мог бы формироваться за счет: 1) единых экспортных пошлин на вывоз углеводородов и других биржевых товаров; 2) единых платежей за загрязнение окружающей среды; 3) отчислений от импортных пошлин; 4) взносов сторон пропорционально ВВП. Расходная часть бюджета при таком подходе включала бы: 1) финансирование совместных целевых программ, инвестиционных и инновационных проектов; 2) совместные научные исследования; 3) общие образовательные программы; 4) выделение субсидий на привлечение кредитов для реализации общих приоритетов научно-технического прогресса.

Наконец, завершу ход своих рассуждений подчеркиванием важности *идеологии современного евразийства*. Евразийская идея сегодня — это согласованное понимание и видение общего будущего нашего Союза, концентрированное выражение его единства действий перед глобальными рисками и вызовами, решимости построить устойчивое и суверенное экономическое общежитие без угнетающих дисбалансов и социально-экономических разрывов. Отсутствие согласованных идеологических концептов и позиций в государствах ЕАЭС нередко ведет к упрощенной трактовке ценностей интеграции в угоду эгоцентризму и превалированию национального эгоизма над союзной аксиологией. Это, в свою очередь, ослабляет доверие к ближайшим партнерам и союзникам и заметно сдерживает создание динамично развивающегося единого экономического пространства в угоду наращивания торгово-экономического сотрудничества с третьими странами.

Идеология современного евразийства, надо полагать, позволит конкретизировать и путь формирования Сообщества единой судьбы человечества, предложенный китайскими коллегами в рамках идеи «Одного пояса — одного пути», с которой сопрягается Стратегия ЕАЭС. Это — создание коалиции стран на основе нового, интегрального мирохозяйственного уклада, на уважении национальных интересов, на взаимовыгодном добровольном сотрудничестве и строгом соблюдении норм международного права. Главной функцией государства в новом мирохозяйственном укладе становится гармонизация интересов всех социальных групп ради достижения общей цели — повышения народного благосостояния. Стратегическое планирование сочетается с рыночной конкуренцией, а государственный контроль за денежной системой и инфраструктурными отраслями — с частным предпринимательством, свобода которого ограничивается государством только теми видами деятельности, которые способствуют достижению указанной общей цели. Интегральный мирохозяйственный уклад предусматривает синтез социалистической идеологии, рыночной экономики и национальных интересов.

Сергей Глазьев,
главный редактор,
академик РАН